

УДК 930.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.25.025

Образы российского самодержавия в мемуаристике 1950–1960-х гг.: осмысление в советской и постсоветской историографии

Катаев Денис Сергеевич

аспирант кафедры истории и археологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Россия, г. Пермь. E-mail: kataev-ds@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются подходы к осмыслению в отечественной историографии феномена мемуарных произведений периода «хрущевской оттепели» и раннего «застоя», авторами которых стали очевидцы социально-политических процессов в Российской империи, происходивших до 1917 г.

Эти воспоминания являются важным комплексом источников для изучения исторических образов институтов Российской империи в условиях трансформации системы социокультурных институтов исторической памяти в СССР в период с 1953 по 1970 г.

Особое внимание уделяется рассмотрению в советской и постсоветской историографии наиболее изученных сюжетов данного проблемного поля, связанных, в том числе, с мемуарным наследием публициста В. В. Шульгина и советского государственного деятеля К. Е. Ворошилова, осмысленных лишь в научно-популярной и беллетристической литературе. В статье также рассмотрены подходы к изучению «солдатских мемуаров» участников Первой мировой войны.

В статье также предлагаются наиболее перспективные для дальнейшего изучения исследовательские вопросы, связанные с изучением образов власти в мемуарной литературе 1950–1960-х гг. Среди таких вопросов можно выделить: соотношение интереса мемуаристов к фактору «общественных масс» и «роли личности в истории», понятийно-терминологический и символический аппарат, которым оперировали авторы мемуарных произведений при описании института российской монархии, контекст развития мемуарного жанра в условиях цензурного контроля, роль авторов мемуаристики в развитии новых идеологических тенденций в рамках государственной идеологии СССР и оппозиционных течений, авторы мемуарных изданий как представители поколения последних очевидцев событий истории дореволюционной России, пересмотр коммеморативных практик в отношении ряда военно-политических событий рубежа XIX и XX вв. Данные вопросы объединены проблемой 1950–1960-х гг. как переходного периода в пересмотре наследия поздней Российской империи.

Ключевые слова: «хрущевская оттепель», историческая память, самодержавие, мемуары, российская историография.

Мемуарный дискурс. Литературный жанр мемуаров неразрывно связан с историографической рефлексией прошлого. Мемуаристика является неотъемлемым «документальным остатком» того времени, в котором создавались мемуарные произведения, и отражением прошедшей действительности [8, с. 126–138]. Период «хрущевской оттепели» в СССР стал временем переосмысления культурного и научного значения мемуарных исторических источников.

«Хрущевская оттепель» в целом стала периодом сильных изменений в советской политике исторической памяти, развивавшейся «под знаком переходного состояния идеологии КПСС» [30, с. 218], что отразилось на системе историографических взглядов советских историков, в том числе касающихся периода царствования последних представителей императорского дома Романовых.

В этом контексте научный интерес вызывают ретроспективные репрезентации образов дореволюционной России, освещенные в мемуарных произведениях, раскрытые именно в таких мемуарных произведениях, которые вышли в свет или готовились к выходу в СССР в период «хрущевской оттепели», и были созданы авторами, которые могли осмысленно наблюдать социально-политические процессы Российской империи с конца 1870-х по 1917 г.

В аспектах развития системы социокультурных институтов исторической памяти в СССР 1953–1960-х гг. особенно важным становится анализ репрезентаций образов властных институтов Российской империи конца XIX – начала XX в. Наиболее ярко эти образы выражены в мемуарном наследии публициста В. В. Шульгина, государственного деятеля К. Е. Ворошилова. Стоит отметить, что их мемуарное наследие во многом осмыслено не в научных публикациях, а в научно-популярной и беллетристической литературе.

Именно анализу в историографии мемуаров этих авторов будет уделено особое внимание в данной статье. Также будет рассмотрено то, как образы российского самодержавия рассматривались при анализе «солдатских мемуаров» Первой мировой войны.

Но перед этим важно уделить внимание источниковедческим аспектам темы, а завершить – теми контекстуальными вопросами, которые важны для анализа социокультурных институтов исторической памяти периода «хрущевской оттепели». Важно проанализировать и наиболее перспективные для дальнейшего изучения исследовательские вопросы данного проблемного поля.

При анализе историографии советских мемуарных репрезентаций Российской империи стоит учитывать, что в советских исторических трудах периода «оттепели» и «застоя» непроработанными проблемами остались природа российского абсолютизма и его эволюция в ходе исторического развития страны [20, с. 59–60].

Современными российскими историками, не в последнюю очередь – с помощью привлечения как раз мемуарных источников, созданных в период «оттепели», переосмыслены психологические и культурные аспекты реалий Российской империи периода Первой мировой войны [22, с. 185–199].

Необходимо уделить внимание и тому, как в историографии рассматривались особенности публикации источников в период «оттепели».

Конец 1960-х гг. стал «временем юбилеев», что и обуславливало повышенную публикационную активность [15, с. 187–188]. Однако комплекс опубликованных мемуарных источников использовался историками зачастую с ограниченным применением внутренней и внешней источниковедческой критики [4, с. 80–96]. Платформой для размещения мемуарных публикаций выступали литературные журналы, созданные или переформатированные именно в период «оттепели», а точнее даже в короткий период 1956–1957 гг. [33, с. 16].

Если переходить к анализу в историографии конкретных мемуарных источников, содержащих отражения образов российского самодержавия конца XIX – начала XX вв., то они рассматривались достаточно неравномерно. С 1990-х гг. подробно в историографии освещена публичная деятельность В. В. Шульгина, в научно-популярных изданиях нашли отражение эпизоды из воспоминаний К. Е. Ворошилова, уделялось внимание и взгляду на социально-политические процессы из «солдатских» мемуаров участников Первой мировой войны.

С середины 2010-х гг. объектом анализа стали ретроспективные свидетельства участников Первой мировой войны, готовившиеся к публикации именно в период «оттепели».

Уральская исследовательница Н. В. Суржикова проговорила невостребованность опыта Первой мировой войны, в период СССР находившейся в тени революционных событий 1917 г. Также отмечалось, что описание опыта службы в царской армии, особенно офицерского, являлось той темой, подробное освещение которой было нежелательно из соображений цензуры и самоцензуры [31, с. 25–34].

Так, например, в написанных в период оттепели воспоминаниях о Первой мировой войне ефрейтора П. Г. Жакова, выходца из окрестностей села Ильинского Пермского уезда, присутствует обращение автора к роли самодержавия как ключевого политического института, вовлекшего Россию в войну [9, с. 131–139]. Сходные оценки самодержавия проявились и при анализе уральскими исследователями мемуаров выходца из Кунгурского уезда В. Н. Журавлева [32, с. 279–302], где индивидуальный ретроспективный нарратив рассматривался как результат мемориальной политики советского государства за полвека. Однако размышления авторов о природе дореволюционной российской власти анализировались историками только вскользь.

Феномен В. В. Шульгина. Один из немногих наиболее изученных сюжетов в отечественной историографии, связанный с публикацией в период «оттепели» мемуарных произведений авторов, в начале XX в. являвшихся апологетами монархизма, трансформации их политических взглядов в период «оттепели», – это ситуация вокруг произведений и публичной активности Василия Витальевича Шульгина – публициста, депутата II, III и IV созывов Государственной думы, а в период Гражданской войны – одного из ключевых организаторов Белого движения.

Анализ его биографии и политических взглядов, еще к концу 1980-х гг. бывший относительно малоизученной темой в историографии, в 1990-х гг. привлек внимание публицистов, а в 2000–2010-х гг. – и профессиональных историков, осветивших дореволюционный период его политической деятельности, роль в эмигрантском сообществе (включая спровоцированное ОГПУ участие в операции «Трест») [5, с. 6], период тюремного содержания в системе ГУЛАГ и последние два десятилетия во Владимире.

В 1961 г. выпущенный из мест заключения пятью годами ранее, В. В. Шульгин был приглашен на XXII съезд КПСС, где, по оценке Ю. А. Полякова, «старейший борец против коммунизма получил возможность лицезреть, как принималась программа построения коммунизма» [21, с. 118]. Происходило это в условиях, когда промонархическая социокультурная активность в условиях правового поля СССР могла быть однозначно истолкована как уголовное преступление против основ конституционного строя советского государства.

В том же 1961 г. было издано произведение В. В. Шульгина «Письма к русским эмигрантам», в 1965 г. на экраны вышел фильм режиссера Ф. М. Эрмлера «Перед судом истории», посвященный биографии Василия Витальевича, с его участием в качестве актера, а по факту – и непосредственного соавтора диалогов и сценария. Особое внимание было уделено парламенту Российской империи – Государственной думе, в которой В. В. Шульгин заседал со II созыва.

Выход Шульгина в «публичное поле» через полвека стал оцениваться в отечественной историографии как одна из знаковых примет периода «оттепели». И на течение этого сюжета сильно влияли общесоюзные политические трансформации, связанные с изменениями политического курса на съездах КПСС и в связи со сменой руководства страны и партии [24, с. 36].

На рубеже 1966–1967 гг. в журнале «История СССР» вышли главы из книги «Годы». И если прокат фильма «Перед судом истории» был быстро ограничен, то публикация воспоминаний в одном из ключевых академических гуманитарных журналов вызвала знаковый скандал. Противоречия вокруг публикации В. В. Шульгина стали, в оценке Ю. А. Полякова, одним из признаков сворачивания «оттепели» и, в принципе, любых идеологических послаблений в ходе начинающего ее сменять «застоя» [21, с. 120]. 7 апреля 1967 г. вопрос о данной публикации даже рассматривался на заседании Секретариата ЦК КПСС под председательством А. П. Кириленко, не последнее внимание в ходе которого было уделено контрреволюционному, монархическому характеру произведений В. В. Шульгина.

Во вступительной статье сценариста фильма «Перед судом истории» В. П. Владимирова к публикации глав из книги «Годы» актуальность публикации, которая могла вызвать много вопросов со стороны органов идеологического контроля, оговаривалась особо.

Воспоминания Шульгина должны были показать советскому читателю силу сопротивления монархических движений революции 1905–1907 гг. и дальнейшей активности противников самодержавия [7, с. 66]. Критической рецензией на воспоминания Шульгина оказалась завершающая к этой серии публикаций статья А. Я. Авреха, в которой достоверность приведенных В. В. Шульгиным сведений ставилась под сильное сомнение, а комплиментарные оценки системы самодержавия Российской империи и некомплиментарные – лично императора Николая II – оценивались с классовых позиций как взгляд помещика из малороссийских губерний, заинтересованного в начале политической карьеры в консервации монархического строя России [1, с. 145].

В биографической книге о В. В. Шульгине, созданной писателем В. И. Ерашовым, почти не раскрыта тема деятельности В. В. Шульгина в СССР после освобождения из мест заключения [11]. В свою очередь, для Д. А. Жукова в книге «Таинственные встречи», выпущенной в 1992 г. [12], эта тема становится одной из ключевых. В своей книге Д. А. Жуков обширно цитировал материалы из архивного фонда Шульгиных в Государственном архиве Российской Федерации (р5974), приводя данные материалы как речь В. В. Шульгина от первого лица, высказанную автору во время личных встреч. Однако при цитировании материалов не было приведено ни единой точной ссылки на архивные документы.

Д. А. Жуковым уделено внимание атмосфере 1960-х гг. как времени развития в СССР историко-культурного активизма и национализма: «1965 год памятен для меня резко обозначившейся тягой к познанию родной истории и восстановлению национального самосознания. Это был год создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в рамках которого регулярно проводились «вторники», посещавшиеся писателями, историками, архитекторами, режиссерами, всякого рода русскими интеллигентами, объединенными желанием общаться и отстаивать наше культурное наследие» [12, с. 96]. Именно в таком контексте произошло знакомство Д. А. Жукова с фильмом «Перед судом истории» и в общем с персоналией В. В. Шульгина. Действительно, 1965 г. стал этапным в развитии советского историко-культурного активизма, для которого оказалась значимой проблема отношения к наследию Российской империи [19, с. 40–41].

Д. А. Жуков уделил внимание контексту появления фильма «Перед судом истории» конкретно в условиях изменения общесоюзной политической конъюнктуры после отставки Н. С. Хру-

щева и прихода к власти Л. И. Брежнева: «Впрочем, напомним, что год был 1965-й, почти безвременье в идеологических установках, совсем недавнее утверждение Брежнева наверху иерархической пирамиды», а сам фильм назвал «историей благосклонности Хрущева к престарелому монархисту» [12, с. 101].

В книге Д. А. Жукова, имеющей заметные конспирологические черты, был сделан акцент на «мистических» сторонах наследия В. В. Шульгина. Особо ярко это проявилось в неverified тезисе Д. А. Жукова, приписанном В. В. Шульгину о том, что в последние дни перед расстрелом в Екатеринбурге императрица Александра Федоровна оставила на стене в доме Ипатьева свастичный символ [12, с. 80].

Д. А. Жуков констатировал, что фильмом «Перед судом истории» советские власти были намерены «Судить самого Шульгина в его лице, судить контрреволюцию» [12, с. 97]. Кроме того, Д. А. Жуков выдвинул тезис о появлении идеи фильма как предложенной одним из руководителей управления Комитета государственной безопасности по Владимирской области. Фильм должен был стать рассказом о предпосылках и истории революции от первого лица, «пока жив этот исторический кладезь» [12, с. 108].

Сама же политическая позиция В. В. Шульгина характеризовалась такими его цитатами, в которых были продемонстрированы противоречия его позиции и политических действий: «Ненавидя политику, я все же был пламенным монархистом. Но это был монархизм. Как сказать, прирожденный... А впоследствии пришлось принять отречение двух императоров. Ну не странно ли?» [12, с. 120]. Характеризуя позицию В. В. Шульгина во второй половине 1960-х гг., Д. А. Жуков также приводил такую цитату: «Я за самодержавие... Нужен самодержец! А где он?» [12, с. 102].

История освобождения В. В. Шульгина из мест заключения связывалась Д. А. Жуковым с образами царствовавшей фамилии. В своей книге он рассказывал о сне В. В. Шульгина 16 мая 1956 г., в котором императрица Александра Федоровна поздравляла Шульгина с «высокопорожественным днем» [12, с. 141–142].

Особое место в рефлексии о самодержавии, приписывавшейся Д. А. Жуковым В. В. Шульгину, занимали размышления о судьбе дочерей Николая II, великих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. Именно с ними связана одна из ключевых сцен фильма «Перед судом истории» – беседа В. В. Шульгина с выпускницами ленинградских школ. В этой сцене Василию Витальевичу было приписано намерение кратким, но явным намеком на четырех великих княжон «выразить неприятие кровавой российской традиции убивать царей». После фильтров цензуры и редактур данная сцена была охарактеризована в книге «Таинственные встречи» как «глупейший диалог» [12, с. 103]. Возможные сценарии данной сцены подробно описаны самим В. В. Шульгиным в рукописных записях, отложившихся в личном фонде Шульгина в Государственном архиве Российской Федерации. В одной версии В. В. Шульгин характеризует себя как «старого русского колдуна», превратившего четырех принцесс в «золушек» [10, л. 23–23 об.], а в другой был намерен рассказать выпускницам «печальную историю четырех принцесс» [10, л. 29].

Уделил внимание Д. А. Жуков и отражению в воспоминаниях В. В. Шульгина попытки срыва левыми депутатами Государственной думы монархических ритуалов в ходе открытия заседаний парламента [12, с. 142].

Таким образом, осмысление образов российского самодержавия, высказанное в мемуарном наследии В. В. Шульгина, достаточно ярко освещено в беллетристическом издании Д. А. Жукова.

Но наиболее знаковым было сотрудничество с В. В. Шульгиным во второй половине 1960-х гг. писателя М. К. Касвинова. Результатом этого уже в период «застоя» стало издание книги «23 ступени вниз», посвященной падению императорского дома Романовых и гибели царской семьи. В 1972–1973 гг. главы из будущей книги издаются в журнале «Звезда», а в 1978 г. произведение выходит отдельной книгой [16, с. 51–52]. Внимание партийных органов и спецслужб к взаимодействию В. В. Шульгина с деятелями советской культуры и науки в 1960-е гг. также рассматривал А. В. Репников в ряде своих работ, в том числе в соавторстве с В. С. Христофоровым [25, с. 155–169].

С. Ю. Рыбас в книге о В. В. Шульгине для знаменитого цикла «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» деятельность Шульгина периода «оттепели» оценивал, в свою очередь, как продолжение многолетней политической борьбы. По мнению автора, в ней он сумел «обойти» советские власти, не сумевшие добиться от его публикаций и публичных выступлений необходимого пропагандистского эффекта [29, с. 476–499].

Если говорить об оценках В. В. Шульгина, касающихся сходств и различий самодержавного строя Российской империи и партотократии СССР, то авторитарный (или даже тоталитарный) характер советского режима публицистом отчасти объяснялся реинкарнацией методов русского самодержавия в период сталинизма [24, с. 34].

Мемуары К. Е. Ворошилова. Еще один автор, оставивший изученное мемуарное наследие в контексте образов российского самодержавия, – это советский государственный и военный деятель Климент Ефремович Ворошилов.

Материалы для неизданной части его мемуаров, отразивших события с 1907 по 1914 гг., стали основой для публикации биографического издания и альбома В. С. Акшинского о К. Е. Ворошилове, впервые увидевших свет в 1974 и 1978 гг. [3; 14]. Вклад В. С. Акшинского в подготовку мемуарного издания от имени самого К. Е. Ворошилова оценивался как «равный соавторству» [28, л. 149].

Отраженная в мемуарном наследии К. Е. Ворошилова тема взаимодействия с институтами российской монархии как участника революционного движения и как политического ссыльного освещена в научно-популярных изданиях из серии «Жизнь замечательных людей», авторами которых в разное время выступили В. И. Кардашов и Н. Т. Великанов. При крайне некомплиментарных оценках самодержавия в мемуарном наследии К. Е. Ворошилова в его воспоминаниях нашлось место и для отражения использования верноподданнической пропаганды и верноподданнических чувств представителей властей Пермской и Архангельской губерний буквально для решения бытовых проблем политического ссыльного.

Особое место занимает «обросший легендами» в научно-популярной, беллетристической литературе и журналистских публикациях сюжет о том, как К. Е. Ворошилов «проучил» ныробского урядника с помощью портрета императора Николая II.

В неопубликованных рукописных материалах из фонда К. Е. Ворошилова в Российском государственном архиве социально-политической истории указанная история четко связана с попытками К. Е. Ворошилова избавиться от излишнего надзора ныробского урядника Янковского. Идея вывесить в комнате ссыльного портрет императора Николая II из журнала «Нева» приписывалась мемуаристом Софье Львовне Милициной, супруге почтового чиновника из Ныроба [27, л. 320]. Сам эпизод ссылки датируется началом 1913 г. В научно-популярных публикациях данная история, в свою очередь, связывалась с пребыванием в Холмогорах и с бракосочетанием Клим Ворошилова с Екатериной Давидовной Горбман, которое также «переносилось» авторами в Архангельскую губернию из Пермской в более ранний период его ссылки.

У Н. Т. Великанова этот эпизод описан следующим образом:

«Сразу по возвращении Голды, теперь Екатерины Ворошиловой, в Холмогоры не обошлось без очередных осложнений: жандарм, надзиравший за Ворошиловым, потребовал немедленного отъезда ее из поселения: нельзя, мол, расконвоированной жить вместе с ссыльным. На сборы и выезд дал три дня. Тогда молодожены придумали хитрость: повесили в избе вырезанный из журнала портрет императора Николая II. Когда жандарм пришел проверять исполнение его приказа, у Ворошиловых собралась толпа ближних соседей. Жандарм стал кричать, почему «посторонняя» не уехала. Соседи вступились за Екатерину. Жандарм матерился по-черному, обещал всех отправить в тюрьму. Клим охладил его, указал на портрет императора и на фальцете воскликнул:

– Не смейте сквернословить перед ликом государя! Перевел дыхание и добавил: Я донесу о сем в Департамент полиции.

Жандарм увидел на стене портрет Николая II и сразу обмяк. Обильный пот выступил на его покрасневшем лице. Он сменил тон:

– Я ведь за порядок. Чтоб все было по закону. Ладно, оставайтесь, только чтоб без нарушений закона...» [6, с. 86–87].

Автор более ранней биографии К. Е. Ворошилова В. И. Кардашов также связывал брак Ворошилова с пребыванием в Архангельской губернии, однако история с урядником и иные подобные моменты ссылки никак не упоминались [13, с. 82].

Таким образом, яркие эпизоды ссылки из мемуаров К. Е. Ворошилова, в которых нашлось место и для взаимодействия с ритуалами, церемониями и монархическими образами, найдя отражение в научно-популярных изданиях, так и не нашли корректного научного осмысления. Во многом это касается и изучения наследия В. В. Шульгина.

Особенности и перспективы темы. Если переходить к историографическим аспектам о «хрущевской оттепели», которые могут быть важны для изучения контекста проблемы, то

стоит отметить, что историческую память о самодержавии как фактор в развитии русского национализма в СССР рассматривал Н. А. Митрохин¹.

Он отметил интерес со стороны части советской молодежи и среднего поколения периода «оттепели» к обращению к личным свидетельствам старшего поколения о дореволюционной России – как устным, так и письменным, мемуарным (в основном – самиздатовским), некоторые из которых содержали комплиментарные оценки последних Романовых [17, с. 360]. Александр Пыжиков также отметил роль интереса к дореволюционному историко-культурному наследию как к фактору развития неформальных движений националистического и монархического толка в СССР, начиная с середины 1960-х гг. [23, с. 83–93].

Важным аспектам истории повседневности, раскрывающим социокультурную роль старшего поколения в период «оттепели» в осмыслении опыта жизни в дореволюционной России, посвящены исследования А. Р. Клоц и М. В. Ромашовой [34, pp. 573–598]. Состарившееся поколение первых комсомольцев в 1960-е гг. стало одной из движущих сил «архивной революции», именно воспоминания этих людей, в том числе со свидетельствами об образах монархической власти Российской империи, созданные на основе их детских и юношеских впечатлений, становились основой активно пополнявшихся в тот период личных фондов в региональных архивах РСФСР. М. В. Ромашовой особо отмечается, что часть старшего поколения стала проводниками в советскую действительность иных норм и ценностей, в том числе – антиатеистических, религиозных [26, с. 64], то есть пересекавшихся с монархическими.

Ю. В. Аксютин, уделяя пристальное внимание строго политическим аспектам «оттепели», обратился и к социокультурным аспектам инакомыслия в 1950–1960-е гг. Период с конца 1950-х гг. характеризовался Ю. А. Аксютиным как время рождения в стране политической, организованной и нелегальной оппозиции [2, с. 278]. В таком контексте образы имперской эпохи России, транслировавшиеся в период «оттепели», могли стать выглядящими как культурная и политическая альтернатива советским институтам.

Переходя к выводам, можно сказать, что период краха Российской империи и период «оттепели» имеют обширную историографию. Но в вопросе изучения образов дореволюционной России в советской мемуаристике эта тема подробно освещена только в отношении ряда отдельных ярких сюжетов. Один из сюжетов – это история публичной активности В. В. Шульгина с 1950-х гг. Стоит отметить, что вопросы публикации мемуаров в советской периодике рассматривались и с литературоведческой точки зрения [18, с. 174–178], но преимущественно на материале 1920–1940-х гг.

За более чем полвека советская и постсоветская историография, так же как и советская мемуаристика, достаточно часто испытывали проблемы с определением понятия и границ применения терминов, связанных с российским самодержавием, транслируя в разных ситуациях то обращение к личности самого императора, то ко всей административной машине Российской империи.

При анализе образов российского самодержавия в советской мемуаристике периода «оттепели» в контексте их связи с проблемным полем истории России конца XIX – начала XX вв. можно сделать вывод, что изучение следующих проблем может быть перспективным:

- соотношение интереса мемуаристов к фактору «общественных масс» и «роли личности в истории»;
- понятийно-терминологический и символический аппарат, которым оперировали авторы мемуарных произведений при описании института российской монархии, в особенности – границы применения таких понятий, как «царизм» и «самодержавие»;
- контекст развития мемуарного жанра в условиях цензурного контроля со стороны партийных органов и спецслужб;
- роль авторов мемуаристики и профессиональных историков – как ведомой силы в условиях политических трансформаций «оттепели» и раннего «застоя», так и зачинателей новых идеологических тенденций в рамках государственной идеологии СССР и оппозиционных течений;
- авторы мемуарных изданий как представители поколения последних очевидцев событий истории дореволюционной России, и одновременно – первого массового поколения советских пенсионеров;

¹ Митрохин Николай Александрович внесен Министерством юстиции Российской Федерации в перечень лиц, выполняющих функции иностранного агента.

– пересмотр коммеморативных практик в отношении ряда военно-политических событий рубежа XIX и XX вв.

В свою очередь, ключевая проблема, которую только предстоит разработать в отечественной историографии в контексте анализа мемуаров периода «оттепели» как продуктов социокультурного поля исторической памяти, – это эпоха «оттепели» как переходный период в пересмотре наследия поздней Российской империи. В такой постановке вопроса эпохи сталинизма и «застоя» более изучены в отечественной и зарубежной историографии по сравнению с периодом 1953–1970 гг.

Список литературы

1. Аврех А. Я. «Дни» и «годы» В. В. Шульгина // История СССР. 1967. № 1. С. 145–159.
2. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М. : РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 622 с.
3. Акишинский В. С. Климент Ефремович Ворошилов. М. : Политиздат, 1974. 287 с.
4. Астрахан Х. М. Об использовании мемуаров об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде как исторического источника // История СССР. 1984. № 6. С. 80–96.
5. Бабков Д. И. Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2008. 24 с.
6. Великанов Н. Т. Ворошилов. М. : Молодая гвардия, 2017. 509, [1] с., [16] л. ил.
7. Владимиров В. П. О воспоминаниях В. В. Шульгина // История СССР. 1966. № 6. С. 65–70.
8. Георгиева Н. П. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 126–138.
9. Голикова С. В. Солдатские мемуары: ефрейтор П. Г. Жаков о Первой мировой войне // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 2. С. 131–139.
10. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 314.
11. Ерашов В. П. Шульгин: Документальный роман-размышление. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. 512 с.
12. Жуков Д. А. Таинственные встречи. М. : Патриот, 1992. 299 с.
13. Кардашов В. И. Ворошилов. М. : Молодая гвардия, 1976. 368 с., 17 л. ил.
14. Климент Ефремович Ворошилов: Жизнь и деятельность в фотографиях и документах : альбом / сост. В. С. Акшинский. М. : Плакат, 1978. 103 с.
15. Козлов Д. Наследие оттепели: к вопросу об отношениях советской литературы и общества второй половины 1960-х годов // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 187–188.
16. Кормина Ж. «Император осматривал город»: Сюрреалистический социализм и политика памяти // Новое литературное обозрение. 2018. № 4 (152). С. 34–57.
17. Митрохин Н. А². Русская партия: Движение русских националистов в СССР (1953–1985). М. : Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
18. Михайлова М. А. Мемуарная проза писателей в журнале «Новый мир» 1958–1970 гг. : дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 212 с.
19. Неплюев П. А. «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране» : историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49.
20. Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет (редакционная статья) // История СССР. 1975. № 5. С. 59–60.
21. Поляков Ю. А. Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 118–125.
22. Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.
23. Пыжиков А. В. Оттепель: идеологические новации и проекты (1953–64 гг.). М. : Акад. гуманитар. наук, 1998. 195 с.
24. Репников А. В., Гребёнкин И. Н. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 25–40.
25. Репников А. В., Христофоров В. С. Василий Витальевич Шульгин // Российская история. 2009. № 5. С. 155–169.
26. Ромашова М. В. «Дефицитная» бабушка: советский дискурс старости и сценарии старения // Новое литературное обозрение (НЛО). 2015. № 133. С. 55–65.
27. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 74. Оп. 1. Д. 211.
28. РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 219.
29. Рыбас С. Ю. Василий Шульгин: судьба русского националиста. Серия: Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 2014. Вып. 1478. 543 с.

² Признан иностранным агентом.

30. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М. : Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.

31. Суржикова Н. В. Россия 1917 года в отечественных и зарубежных эго-документах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4 (89). С. 25–34.

32. Суржикова Н. В., Лобанов Д. А., Ощепков Л. Г. Первая мировая война в воспоминаниях Василия Журавлева // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург : АСПУр, 2014. С. 279–302.

33. Чупринин С. И. Оттепель как неповиновение. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 224 с.

34. Klots A., Romashova M. Lenin's Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Summer 2018. Vol. 19. № 3. Pp. 573–598.

Images of Russian monarchy in the memoirs of 1950–1960s: comprehension in Soviet and Post-soviet historiography

Kataev Denis Sergeevich

postgraduate student, Department of History and Archeology, Perm State University. Russia, Perm.
E-mail: kataev-ds@mail.ru

Abstract. In the article are analyzed approaches to understanding the phenomenon of memoirs of the "Khrushchev thaw" and early "Era of Stagnation" in Russian historiography. Authors of which memoirs were eyewitnesses of the socio-political processes in the Russian Empire that took place before 1917. These memoirs are an important set of sources for studying the historical images of the institutions of the Russian Empire in the context of the transformation of the system of socio-cultural institutions of historical memory in the USSR in the period from 1953 to 1970.

Special attention is paid to the consideration of the most studied subjects of this problematic field in Soviet and post-Soviet historiography, related to the memoir legacy of the publicist V. V. Shulgin and the soviet statesman K. E. Voroshilov. The article also examines approaches to studying the "soldier's memoirs" of participants in the First World War.

The article also suggests the most promising research issues for further study related to the study of images of power in the memoir literature of the 1950s – 1960s. Among such issues are: the relationship between the interest of memoirists in the factor of "public masses" and "the role of the individual in history"; the conceptual, terminological and symbolic apparatus that the authors of memoirs used when describing the institution of the Russian monarchy; the context of the memoir genre under censorship control; the role of memoir authors in the development of new ideological trends within the framework of the state ideology of the USSR and opposition movements; authors of memoir publications as representatives of the generation of the last eyewitnesses of the events of the history of pre-revolutionary Russia; the revision of commemorative practices in relation to a number of military and political events at the turn of the 19th and 20th centuries.

The key problem is 1950–1960s as a transitional period in the revision of the legacy of the late Russian Empire.

Keywords: Khrushchev Thaw, social memory, Tsarist autocracy, memoirs, Russian historiography.

References

1. Avrekh A. Ya. "Dni" i "gody" V. V. Shul'gina. ["Days" and "Years" of V. V. Shulgin]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1967. No. 1. Pp. 145–159.
2. Akshinskij V. S. Kliment Efremovich Voroshilov [Kliment Efremovich Voroshilov]. M., Politizdat, 1974. 287 p.
3. Aksyutin, Yu. V. Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg. [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964] M., ROSSPEN, Eltsin Center, 2010. 622 p.
4. Astrakhan H. M. Ob ispol'zovanii memuarov ob Oktyabr'skom vooruzhennom vosstanii v Petrograde kak istoricheskogo istochnika [On the use of memoirs about the October uprising in Petrograd as a historical source]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1984. No. 6. Pp. 80–96.
5. Babkov D. I. Politicheskaya deyatel'nost' i vzglyady V. V. Shul'gina v 1917–1939 gg. : diss. ... kand. ist. nauk [Political activities and views of V. V. Shulgin in 1917–1939 : diss. ... of PhD in Historical Sciences]. Bryansk, 2008. 24 p.
6. Velikanov N. T. Voroshilov [Voroshilov]. M., Molodaya gvardiya, 2017. 509 p.
7. Vladimirov V. P. O vospominaniyakh V. V. Shul'gina [On memoirs of V. V. Sulgin]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1966. No. 6. Pp. 65–70
8. Georgieva N. P. Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskiy istochnik [Memoirs as a cultural phenomenon and historical source]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*, 2012, No. 1. Pp. 126–138.

9. Golikova S. V. *Soldatskie memuary: efreytor P. G. Zhakov o Pervoy mirovoy voyne* [Soldier's memoirs: Corporal P. G. Znakov about the First World War]. Perm University Herald. History. No. 2 (2015). Pp. 131–139.
10. SARF (State Archive of Russian Federation). F. P-5974. Inv. 1. File 314.
11. Erashov V. P. *Shul'gin: Dokumental'nyy roman-razmyshlenie* [Shulgin: Documentary novel-reflection]. M., TERRA – Knizhnyy klub, 2004. 512 p.
12. Zhukov D. A. *Tainstvennye vstrechi* [Mysterious Meetings]. M., Patriot, 1992. 299 p.
13. Kardashov V. I. *Voroshilov* [Voroshilov]. M., Molodaya gvardiya, 1976. 368 p.
14. Kliment Efremovich Voroshilov: *Zhizn' i deyatel'nost' v fotografii. i dokumentah* [Kliment Efremovich Voroshilov: Life and activity in photographs and documents]. Al'bom. Comp. V. S. Akshinskij. M., Plakat, 1978. 103 p.
15. Kozlov D. *Nasledie ottepei: k voprosu ob otnosheniyakh sovetskoy literatury i obshchestva vtoroy poloviny 1960-kh godov* [The Legacy of the Thaw: On the Relationship between Soviet Literature and Society in the Second Half of the 1960s.] // *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO). 2014. No. 125. Pp. 187–188.
16. Kormina Zh. *"Imperator osmatrival gorod": Syurrealisticheskiy sotsializm i politika pamyati* ["The Emperor Surveyed the City": Surrealist Socialism and the Politics of Memory] // *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO). 2018. No. 4 (152). Pp. 34–57.
17. Mitrokhin N. A.³ *Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh natsionalistov v SSSR (1953–1985)* [Russian Party: Movement of Russian nationalists in the USSR (1953–1985)]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO), 624 p.
18. Mikhaylova M. A. *Memuarnaya proza pisateley v zhurnale "Novyy mir" 1958–1970 gg. : diss. ... kand. filol. nauk* [Memoir prose of writers in the magazine "Novy Mir" 1958–1970. : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2016. 212 p.
19. Neplyuev P. *"Esli chelovek ravnodushen k pamyatnikam istorii svoey strany, znachit, on ravnodushen k svoey strane": istoriograficheskiy obzor istoriko-kul'turnogo aktivizma v pozdnesovetskiy period* ["If a man is indifferent to the historical monuments of his country, then he is indifferent to his country": historiographic review of historical and cultural activism in late-soviet period]. *Kul'turnyy kod – Cultural code*. 2020. No. 3. Pp. 38–49.
20. *Osnovnye itogi izucheniya istorii pervoy russkoy revolyutsii za poslednie dvadtsat' let (redaktsionnaya stat'ya)* [The main results of the study of the history of the first Russian revolution over the past twenty years]. *Istoriya SSSR – History of USSR*. 1975. No. 5. Pp. 59–60.
21. Polyakov Yu. A. *Aprel' shest'desyat sed'mogo: strasti po Shul'ginu* [April 1967: Passions for Shulgin]. *Voprosy istorii – Questions of history*. 1994. No. 3. Pp. 118–125.
22. Porshneva O. S. *"Nastroenie 1914 goda" v Rossii kak fenomen istorii i istoriografii* ["The Mood of 1914" in Russia as a phenomenon of history and historiography]. *Rossiyskaya istoriya – Russian history*. 2010. No. 2. Pp. 185–199.
23. Pyzhikov A. V. *Ottepel': ideologicheskie novatsii i proekty (1953–64 gg.)* [The Thaw: Ideological Innovations and Projects (1953–1964)]. M., Akademiya gumanitarnykh nauk, 1998. 195 p.
24. Repnikov A. V., Grebyonkin I. N. *Vasiliy Vital'evich Shul'gin* [Vasily Vitalyevich Shulgin]. *Voprosy istorii – Questions of history*. 2010. No. 4. Pp. 25–40.
25. Repnikov A. V., Khristoforov V. S. *Vasiliy Vital'evich Shul'gin* [Vasily Vitalyevich Shulgin]. *Rossiyskaya istoriya – Russian history*. 2009. No. 5. Pp. 155–169.
26. Romashova M. *"Defitsitnaya" babushka: sovetskiy diskurs starosti i stsenarii stareniya* ["Deficient" grandmother: Soviet discourse of old age and scenarios of aging]. *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO). 2015. No. 133. Pp. 55–65.
27. RSASPH (Russian State Archive of Socio-Political History). F. 74. Inv. 1. File. 211.
28. RSASPH. F. 74. Inv. 1. File. 219.
29. Rybas S. Yu. *Vasiliy Shul'gin: sud'ba russkogo natsionalista* [Vasily Shulgin: the fate of a Russian nationalist]. M., Molodaya gvardiya, 2014. 543 p.
30. Sidorova L. A. *Ottepel' v istoricheskoy nauke. Sovetskaya istoriografiya pervogo poslestalinskogo desyatiletiya* [The Thaw in Historical Science. Soviet Historiography of the First Post-Stalin Decade]. M., Pamyatniki istoricheskoy mysli. 1997. 288 p.
31. Surzhikova N. V. *Rossiya 1917 goda v otechestvennykh i zarubezhnykh ego-dokumentakh* [History of the Urals in ego-documents (XVIII – mid-XX centuries): to the characteristics of a promising study] // *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2017. No. 4 (89). Pp. 25–34.
32. Surzhikova N. V., Lobanov D. A., Oshchepkov L. G. *Pervaya mirovaya vojna v vospominaniyakh Vasiliya Zhuravleva* [The First World War in the Memories of Vasily Zhuravlev] // *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki*. Ekaterinburg, AsPUr, 2014. Pp. 279–302.
33. Chuprinin S. I. *Ottepel'. Deystvuyushchie litsa* [The Thaw. Actors]. M., *Novoe literaturnoe obozrenie* (NLO), 2023. 1112 p.
34. Klots A., Romashova M. *Lenin's Cohort: The First Mass Generation of Soviet Pensioners and Public Activism in the Khrushchev Era* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 19, No. 3. Pp. 573–598.

Поступила в редакцию: 21.04.2025

Принята к публикации: 05.05.2025

³ Recognized as a foreign agent.